

ствительности; они намъ даютъ въ руки своего рода аршинъ и говорятъ: мѣряйте и — что растеть, тому служите, а что падаетъ, то толкайте внизъ. Гарантируетъ ли насъ этотъ аршинъ отъ ошибокъ, это, въ виду сложности житейскихъ дѣлъ, еще большой вопросъ, но онъ есть во всякомъ случаѣ только аршинъ, и при послѣдовательномъ его примѣненіи, ни о какихъ идеалахъ не можетъ быть рѣчи.

Мы сейчасъ увидимъ, что послѣдовательно аршинъ героями „Повѣтрія“ и не примѣняется, а теперь посмотримъ, какъ отражается ихъ „новое слово“ въ художественной литературѣ. Но сначала вернемся на минуту къ новому слову „пантеистическаго міросозерцанія“. Съ его точки зрѣнія нѣтъ никакихъ основаній для расцѣпки явленій жизни по степени ихъ значенія, ибо все они вытекаютъ изъ одного источника и все равно заслуживаютъ художественнаго воспроизведенія. Теорія эта, собственно говоря, возводила въ принципъ голый фактъ. Наша беллетристика въ цѣломъ давно уже представляетъ собою множество осколковъ разбитаго зеркала, изъ которыхъ въ каждомъ, — иногда вѣрно и отчетливо, иногда криво и мутно, — отражается какой нибудь уголокъ жизни, но безъ всякой связи съ цѣлымъ; причемъ авторамъ безчисленныхъ „очерковъ и рассказовъ“ совершенно безразлично, отражать ли муху или слона, уголокъ дамскаго будуара или соломенную крышу мужицкой избы, непереносное горе или перезвонъ троечныхъ бубенцовъ, — лишь бы все это возбуждало эстетическую эмоцію. Въ числѣ писателей этого типа у насъ былъ одинъ, особенно радовавшій сердца проповѣдниковъ пантеистическаго міросозерцанія, — г. Чеховъ. Другихъ этотъ высокоталантливый писатель, напротивъ, очень огорчалъ своими часто прелестными картинками, въ которыхъ, однако, по выраженію одного изъ его позднѣйшихъ гербовъ, „самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человека“. То, пожалуй, именно, зеркальное спокойствіе и безразличіе, съ которымъ г. Чеховъ отражалъ все, что попадалось на глаза, въ осколкахъ разбитаго зеркала, едва ли даже не было ближайшимъ поводомъ для провозглашенія пантеистическаго міросозерцанія. Но, не говоря уже о томъ, что никого, хотя бы приблизительно равнаго г. Чехову это міросозерцаніе не выставило, тотъ же г. Чеховъ хоронитъ его на нашихъ глазахъ. Давно уже началъ ему измѣнять спокойный, ровный, „зеркальный“, пантеистическій тонъ; все больше и больше оправдывается на немъ изреченіе одного изъ дѣйствующихъ лицъ „Палаты № 6“: „органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на внешнее раздраженіе: на боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на пошлость — негодованіемъ, на мерзость — отвращеніемъ“. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ г. Чехова, вмѣсто прежняго жизнеподобнаго, убогаго, но равнодушнаго восторга сущаго, звучитъ та-

кая страшная тоска, такое отчаяние, такого нельзя было бы ждать от автора „Налима“, „Випта“ и множества других хороших вещей...

Одинъ изъ послѣднихъ рассказовъ г. Чехова — „Мужики“ — заслужилъ чрезвычайное одобрение представителей другого „нового слова“, предъявленныхъ въ „Повѣтри“ образами Натани и Даева. Согласно вышеприведенной ихъ программѣ построения идеаловъ подѣ диктовку дѣйствительности или, точнѣе, упрощенія идеаловъ и замѣны ихъ аршиномъ, они обрадовались возвеличенію города въ лицѣ трактирнаго цолового и униженію деревни въ лицѣ мужиковъ. И г. Чеховъ былъ прославленъ... Скоро оказалось, однако, что это чистое недоразумѣніе, ибо для бывшаго пиятеяста нынѣ все одинаково окутано флеромъ безысходнаго мрака, — и деревня, и городъ...

Но для того „нового слова“, которому, по недоразумѣнію, угодилъ было „Мужиками“ г. Чеховъ, онъ, пожалуй, уже слишкомъ старъ. Послѣ него могли объявиться новые беллетристы, на которыхъ уже полностью отпечаталось міросозерпаніе г-на „Повѣтрія“. Чѣмъ же выразился этотъ приливъ новыхъ силъ, если таковой есть? Что внесли и что могутъ внести они въ сокровищницу нашей художественной литературы?

Талантливейшій и оригинальнѣйшій изъ беллетристовъ послѣдней формаціи есть бесспорно г. Максимъ Горькій. Пропонимъ же кое-что изъ приведенныхъ въ прошлый разъ пестрящихъ рѣчей совѣсти молодого беллетриста въ рассказѣ „Читатель“.

„Жизнь, созданная нами, — говоритъ этотъ голосъ совѣсти, — бѣдна красками, тускла, скучна. Дѣйствительность, которую мы когда-то такъ горячо хотѣли перестроить, сломана и смята насъ... Человѣкъ теперь не царь земли, а рабъ жизни, утратилъ онъ гордость своимъ первородствомъ, преклоняясь передъ фактами, не такъ ли? Изъ фактовъ, созданныхъ имъ, онъ дѣлаетъ выводы и говоритъ себѣ: вотъ непреложный законъ!.. Вотъ почему живетъ такъ бѣдно и скучно, вотъ почему обезсмысленъ въ человѣкѣ духъ творчества... Ты открываешь уму людей, быть можетъ, много низкихъ истинъ, но можешь ли ты создать для нихъ хотя бы маленькій возвышающій обманъ? Нѣтъ! Ты увѣренъ, что это полезно рыться въ мусорѣ и не уметь находить въ немъ ничего, кромѣ печальныхъ крошечныхъ истинъ, устанавливающихъ только то, что человѣкъ золъ, глупъ, безчестенъ, что онъ всегда и вполнѣ зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, что онъ безслонъ и жалокъ одинъ и самъ по себѣ... Человѣкъ упалъ духомъ, его интересъ къ жизни низокъ, желание жить съ достоинствомъ въ немъ изсякаетъ, онъ хочетъ жить просто, какъ свинья, и — въ концѣ